

Ак-Бозат / рассказ

Category: Некаýалар, Китарсу

написано китарсу | 24 января, 2025

Ак-Бозат / рассказ АК-БОЗАТ

I.

Бухарбай был молод и глуп, а когда человек глуп, то его только ленивый не обижает. Так было и с Бухарбаем. Когда умер отец, у него всего осталось достаточно – и новая кибитка, и целый косяк лошадей, и много баранов. Молодой Бухарбай думал, что ему век не прожить отцовского добра, и стал веселиться с товарищами. Другие работают, а Бухарбай веселится и говорит: «Зачем мне работать, когда у меня все есть? Пусть работают бедняки».

– Ой, Бухарбай, ты нехорошо себя ведешь! – повторяла мать и качала головой.

Но Бухарбай был молод и думал про себя, что женщины ничего не понимают, потому что целый век сидят по своим кибиткам и только умеют доить кобылиц. А молодое сердце так и играло... Веселится Бухарбай, и все ему мало. У богатых много друзей, и у Бухарбая тоже. Один лучше другого. Веселятся вместе с ним, едят его баранину, пьют его кумыс и хвалят хозяина. Но для веселья нужны еще деньги. Начал Бухарбай понемногу пропивать отцовское добро, и все потихоньку от старой матери. Состарится, тогда сам накопит. Потом не стало и денег. Подумал Бухарбай продавать скот, да устыдился матери: будет плакать старуха и всем жаловаться. Тогда Бухарбай начал потихоньку занимать у соседей по аулу. Ему давали охотно, как дают богатым людям. Соседи дают, а Бухарбай берет. Сначала все считал, а потом и считать перестал. Все равно – кто дает, тот не забудет.

– Когда же ты отдашь нам долг? – сказал года через два один сосед.

– Отдам, когда у самого деньги будут, а теперь у самого ничего нет...

Достаточно было одному попросить долг, как и все другие начали приставать: «Отдай да отдай»; а чего отдать, когда у самого ничего нет. Задумался Бухарбай, только немножко поздно. Нечего делать, пришлось признаться во всем матери. Горько заплакала старуха и только сказала:

– Ведь я тебе говорила, Бухарбай... Ах, Бухарбай, Бухарбай, как ты жить будешь? Я-то уж стара, прожила жизнь, а у тебя все впереди.

Обратился Бухарбай к старым товарищам за помощью, а у тех у самих ничего нет. Если и было у кого что, так скрывали для себя.

А уж как они все жалели Бухарбая... «Ведь вот какие нехорошие соседи, пристают с долгами. Могли бы, кажется, и подождать». Одним словом, хороших слов сколько угодно, а денег ни гроша. Плохо пришлось Бухарбаю, совсем плохо, особенно, когда соседи пожаловались на него бию¹ и представили свои счета. Вызвал бий молодого Бухарбая на суд и спрашивает:

– Признаешь ты свой долг?

– Признаю...

– А если признаешь, так нужно платить.

– У меня ничего нет...

Седобородые казы (судьи) посоветовались между собой и решили продать все имущество Бухарбая. Конечно, жаль молодого человека, а делать нечего. Бий тоже жалел и тоже ничего не мог поделать: глупости трудно поправлять.

Пришли казы к Бухарбаю и начали продавать отцовское добро. Главными покупателями явились те же заимодавцы, как богатые люди. Долго наживал отец Бухарбая свое богатство, а разлетелось оно дымом в один день. Один взял баранов, другой кибитку, третий и четвертый поделили между собой косяк лошадей. Как при всех распродажах, имущество шло за бесценок. Заимодавцы так и рвали дешевый товар и даже перессорились между собой. Каждому хотелось захватить побольше.

– Что же у меня останется? – спрашивал Бухарбай судей.

– У тебя есть две здоровых руки. Раньше ты был молод и глуп, а теперь будешь умен поневоле... Пророк недаром сказал: «Эль факру факри»².

Повесил голову молодой Бухарбай. Жаль отцовского добра... Но он не спорил: и бий и казы были справедливы. Но только когда дело дошло до последнего жеребенка белой масти, он вступился. Это был редкой породы жеребенок, старинной крови, и отец больше всего им дорожил. Заимодавцы тоже знали толк в лошади и так и вцепились в жеребенка, – каждый хотел его взять себе.

– Нет, жеребенка я вам не отдам! – заявил Бухарбай. – Вы все взяли, и я молчал, а жеребенка не отдам.

Пошли все на суд к бию. Он внимательно выслушал всех и сказал: – Заимодавцы, вы получили больше, чем давали, и хотите отнять у человека последнее. Какой же киргиз без лошади? Нужно иметь совесть...

Бухарбай стоял и плакал. Ему было совестно за свою собственную глупость, которая довела его до такого позора. Бию сделалось жаль, и он решил, что белый жеребенок останется у него.

– Помни, что он рожден от кости Исэк-Кырган (вечерняя зарница), – наставительно говорил бий молодому человеку, – той знаменитой Исэк-Кырган, которую не могла обойти на скачках ни одна лошадь в степи. Береги жеребенка, как зеницу ока: он стоит всего твоего имущества...

Поблагодарил Бухарбай милостивого бия и еще раз заплакал, но уже от радости. У него оставалась еще надежда... Заимодавцы готовы были отнять у него и степь и небо, если б только это зависело от них.

II.

Ничего не осталось у Бухарбая, кроме молодого стыда да старой матери. Старуха плакала потихоньку, чтобы напрасно не огорчать и без того несчастного сына, и только сказала:

– Аллах дает и богатство и бедность. Не нужно отчаиваться... Ты еще молод и можешь исправиться... Мой последний совет тебе: уходи из нашего аула как можно дальше. Нехорошо оставаться байгушом (нищим) там, где все знали тебя богатым. Вот тебе мой последний совет, Бухарбай. А я уйду опять к твоей сестре. Зять хороший человек и не прогонит старуху...

Еще раз сделалось совестно Бухарбаю, что он не может

прокормить даже родную мать. Приходилось дорого платиться за молодую глупость...

– Еще тебе совет, Бухарбай, – говорила мать на прощанье, – никто не знает, чего стоит твой жеребенок. Он редкой крови... Береги его и не бери за него ничего, что бы тебе ни предлагали. Это будет не лошадь, а степной ветер, стрела, пущенная из лука. Отец назвал его Ак-Бозат³.

Молча поклонился в ноги Бухарбай матери. Из всех людей только она одна желала ему добра.

Из своего аула он ушел темной ночью, чтобы никто не видал его последнего позора и последних слез. Он шел пешком и вел за собой в поводу белого жеребенка. Это была маленькая кобылка из благородной породы «белорожденных». От всех остальных родичей своей крови она отличалась тем, что имела на лбу черную звезду, почему отец и назвал ее звездой. Синим шаром опрокинулось над головой Бухарбая глубокое небо, расшитое золотым узором звезд; без конца стелется перед ним степь, точно ковер, и думает Бухарбай, неужели он нигде не найдет себе уголка, чтобы жить.

Идет Бухарбай неделю, идет другую, идет третью. Прошел много аулов. Здесь уже никто не знал его, и сделалось Бухарбаю легче. Молодость скоро проживает свое горе. Нанялся Бухарбай в простые пастухи к богатому киргизу Цацгаю и выговорил себе только одно, – чтобы его жеребенок пасся вместе с другими лошадьми.

– Пусть пасется, – согласился Цацгай. – Степь велика, всем места хватит... Только жеребенок-то дрянной: ноги у него очень тонкие...

А Бухарбай молчит. Цацгай не знал толку в лошадях. Ак-Бозат заморилась длинной дорогой и действительно имела такой жалкий вид. А Цацгай сообразил про себя, что когда кобылка подрастет, то молодой пастух будет ездить на своей лошади. Всякий свою выгоду соблюдает.

Аул был большой; у Цацгая ходило в степи три косяка лошадей, и Бухарбай был рад, когда его отправили пастухом. Это был первый хлеб, заработанный собственными руками. Целые дни теперь Бухарбай проводил верхом на лошади, сберегая косяк, и хорошо

узнал, как дорого достается свой хлеб. Цацгай был скуп и давал своим пастухам столько, сколько было нужно, чтобы не умереть с голоду. Пастухи за глаза постоянно ругали скупого хозяина, а в глаза старались выслужиться, – так делают почти все бедные люди, которые от нищеты потеряли даже чувство собственного достоинства.

Работа пастушья нетрудная, да только тем нехороша, что нет ни днем, ни ночью покоя. Пастухи спали одним глазом. Бухарбай скоро освоился с своим новым положением и ничем не выделялся среди других пастухов, кончая белой войлочной шляпой и рваным бешметом.

Он не роптал на судьбу и утешался тем, что у него была Ак-Бозат. У других и этого не было. Пастухи смеялись, как Бухарбай ухаживал за своей белой кобылкой, а Цацгай мог только удивляться. Бухарбай часто ее купал, расчесывал и заплетал гриву и потихоньку начинал приучать ее к бегу. Ак-Бозат ходила за хозяином, как собака, и слушалась его голоса. Бухарбай даже разговаривал с ней, как с человеком.

– Никто нас не знает здесь, Ак-Бозат... Это хорошо. Много глупостей наделал твой хозяин... Ну да ничего, – поправимся...

Только напрасно думал Бухарбай, что никто его не замечает. У Цацгая была дочь-невеста, красавица Мэчит. Девушки любят примечать иногда и то, что им не следует. Так и Мэчит, – как погонят лошадей, так и смотрит на нового пастуха. Ей показалось, что он и ездит совсем не так, как другие. Киргизские девушки смелые и ходят без покрывала. Раз она встретила Бухарбая и сказала:

– Пастух, покажи свои руки...

Бухарбай смутился, но не смел послушаться. Девушка внимательно посмотрела на его руки, лукаво заглянула в глаза и проговорила:

– Ты не простой пастух, Бухарбай... У тебя еще недавно руки были нежные, как у женщины. И когда едешь на коне, тоже заметно...

– Да, не простой, – уже смело ответил Бухарбай. – Мне принадлежат и вся степь и все небо... По степи я езжу, а на небо смотрю целые ночи, и никто мне не мешает.

– Нечего сказать, богатство громадное! – засмеялась Мэчит. –

Только с кем ты его будешь делить?..

– У меня никого нет...

– А девушка, которая тебя любить.

– Бедных пастухов девушки не любят... Впрочем, я люблю свою Ак-Бозат.

– Лошадь? Ха-ха... Какой ты скрытный. Ну, увидим...

Начал замечать Бухарбай, что Мэчит каждый раз так внимательно смотрит на него. Посмотрит и засмеется. Это его даже начинало сердить. Чему она смеется?.. Стал и сам Бухарбай поглядывать на хозяйскую дочь, и чем больше смотрел, тем больше она ему нравилась. Молодое сердце льнуло к молодому сердцу без слов.

– Будь умным, Бухарбай, – читал он самому себе наставление. – Довольно глупостей... Цацгай одного калыму⁴ потребует за дочь не меньше ста рублей да еще в придачу баранов триста. Не будь смешным, Бухарбай... Не тебе, несчастному байгушу⁵, думать о хорошеньких девушках.

Когда по вечерам становилось грустно, Бухарбай присаживался к огоньку и пел песню, которую складывал тут же:

У девушки смех на уме, А молодцу горе...

Скоро вихрем он в степь улетит на копе, А она заплачет в неволе.

III.

Так прошли три года, длинных три года. Три раза степь покрывалась весенними цветами, три раза выгорала степная трава от летнего зноя, три раза степная зима засыпала все снегом. Трудно приходилось пастухам в течение зимы, особенно когда поднимался буран. Несколько раз Бухарбай чуть не замерз, но он терпеливо переносил все, потому что бедные люди не должны роптать на свою судьбу. Загрубели у него руки, как у настоящего пастуха, заветрело лицо, и Мэчит не обращала уже на него внимания. Но он был счастлив, он, Бухарбай, потому что выросла его Ак-Бозат. Совсем большая лошадь, и какая умная! С каким терпением учил он ее, выдерживая ход. Другие пастухи опять смеялись над чудачком, который ухаживает за лошадью, как за невестой. А лошадь была чудная – длинная, на таких высоких

ногах, с маленькой головой и длинной гривой. Когда Бухарбай в первый раз поехал на ней верхом, у него сердце дрогнуло от радости: это была не лошадь, а ветер.

«Пусть еще годик подрастет Ак-Бозат, – думал Бухарбай, – а там я поступлю проводником к купеческим караванам... И работа легкая, и жизнь привольная, и все будет хорошо. Терпи, Бухарбай, недолго осталось ждать».

Мысль об отъезде давно засела в голову Бухарбая, и он ее вынашивал потихоньку от всех. Только одно удерживало его: он уедет, а Мэчит останется. Да, она забыла его, но он не забыл эти горячие темные глаза, этот девичий смех, это гордое лицо степной красавицы. Он дрожал при одной мысли, что это лицо засмеется другому, и другой уведет ее в свою кибитку.

Много было женихов у Мэчит. Далеко из степи приезжали они, но старый Цацгай дорожился и сам не знал, какой калым просить за красавицу дочь. Но время подходило такое, что приходилось расставаться: девичий век короткий. Думал, думал Цацгай, которого жениха выбрать, и опять не мог решиться. Все хороши, и всем жаль отдать красавицу Мэчит. Тогда старик придумал устроить байгу⁶ для женихов: кто придет первым, тому Аллах и судил Мэчит взять женой. И женихи были довольны таким решением, потому что каждый надеялся на свою лошадь. А лошади у всех были отличные. Чтобы подзадорить женихов, Цацгай объявил открыто:

– Мне все равно, кто ни обгонит... Простой пастух – его и Мэчит. Как хочет Аллах, так и будет...

Слух об этой байге облетел всю степь, и о ней говорили. Много батырей в степи, и каждый думал отбить красавицу Мэчит у ее женихов.

Наконец объявлен был и день. В аул Цацгая съехались со всех сторон. Вся степь покрылась народом. Брели старый и малый, чтобы посмотреть невиданное зрелище. Кто-то выиграет красавицу Мэчит? Кому Аллах пошлет редкое счастье?

В поле была раскинута зеленая бухарская палатка, в которой собрались киргизские старшины из разных аулов, казы, и даже приехал сам бий. Простой народ усыпал все поле. Выехали скоро на чудных конях женихи Мэчит и много простых джигитов, а

последним выехал Бухарбай на своей Ак-Бозат.

– Кто это на белой лошади? – спрашивали все.

– Это мой пастух, – неохотно отвечал Цацгай, обиженный тем, что простой пастух хочет спорить с женихами. – Только лошадь напрасно заморит...

Все наездники выровнялись перед палаткой в одну линию, и бий подал знак. Джигиты понеслись, а позади всех поехал Бухарбай. Он долго не решался принять участие в байге, потому что Ак-Бозат была еще молода. Благоразумие говорило, что не нужно этого делать, но молодая гордость перевесила. Недалеко от главной палатки стояла другая, в которой собрались женщины, и Бухарбай видел среди них красавицу Мэчит. Она весело позванивала золотыми монетами, которыми была у нее покрыта вся грудь, и еще веселее улыбнулась, когда увидела Бухарбая на его белой лошади. Чем больше женихов, тем сильнее поднималась гордость красавицы.

Байга шла на двадцать пять верст – вперед одна половина, а другая половина обратно. Хороши были кони у женихов, и далеко они унеслись вперед. На первой половине уже простые джигиты начали отставать. Бухарбай сдерживал горячившуюся Ак-Бозат и чувствовал, что в ней еще много силы. Только на обратном конце он постепенно начал давать волю благородному животному, и Ак-Бозат понеслась, все усиливая скорость. О, как она оставляла одного соперника за другим!.. Простые джигиты уже были все позади, а впереди летели только трое женихов. Особенно далеко ушел один на золотистом текинском скакуне. Ак-Бозат все прибавляла ходу и оставила двух женихов; остался впереди один. Бухарбай чувствовал, как под ним точно летела земля, а вдали уже пестрела толпа народа и зелеными точками выделялись палатки. Началась борьба между текинским скакуном и Ак-Бозат. Вот уже Ак-Бозат совсем настигает, и Бухарбай слышит, как тяжело дышит жениховский скакун. Вот они уже скачут голова в голову... Замерло сердце у Бухарбая: оставалось всего две версты. Трудно бороться с текинским скакуном, но он потрепал Ак-Бозат по шее, припал к луке седла, чтобы не связывать движений лошади, и дико гикнул. Как стрела, пущенная из лука могучей рукой, понеслась Ак-Бозат, как степной вихрь, и

Бухарбай уже слышал, как неистово кричит тысячная толпа, торжествующая его победу.

Первым пришел Бухарбай, далеко оставив всех женихов. Все бросились к Ак-Бозат и не знали, как ее приласкать. Женщины целовали ее. Такого скакуна еще не видали в степи.

– Ты выиграл, Бухарбай, – сказал бий.

– Да, он выиграл, – согласился спокойно Цацгай. – Мэчит его, если он достанет калым... Хоть сейчас пусть берет ее. Я от своего слова не отказываюсь. Ведь все женихи обещали заплатить мне калым...

Никогда еще Бухарбай не чувствовал себя настолько несчастным, как в этот день своего торжества. Ему все завидовали, а он проклинал себя... Да, проклятую бедность не объедешь ни на каком скакуне. Даже гордая Мэчит подошла к Ак-Бозат и обняла за шею благородное животное.

– Прощай, Мэчит! – сказал Бухарбай.

Девушка ничего не ответила, а только опустила свои гордые глаза.

IV.

Байга сделала Бухарбая несчастным. Он потерял свой покой, нажитый тяжелым трудом. Тяжела показалась ему теперь жизнь простого пастуха. Да и все другие ему завидовали. А он все думал о Мэчит, о красавице Мэчит с чудными глазами.

– Вот тебе год, – сказал Цацгай. – Я свое слово держу, а ты добывай калым. Если в течение года не добудешь, я выдам Мэчит за другого...

Если бы Бухарбая кто ударил ножом, ему, кажется, было бы легче, чем услышать такие слова. А тут еще Мэчит смотрит на него и опять улыбается. Она полюбила Ак-Бозат и часто приходила кормить ее из своих рук. Теперь ей нечего было стесняться: Бухарбай был ее жених, как это было всем известно.

– Бухарбай, ты очень любишь меня? – лукаво спрашивала красавица.

– Да...

– Даже больше, чем Ак-Бозат?

Этот вопрос смущал Бухарбая, и он не знал, что ответить, а Мэчит звонко смеялась и убегала.

Старый Цацгай тоже думал об Ак-Бозат. Все у него было – пятьсот лошадей, три тысячи баранов, красавица дочь, а такого скакуна не было. Далеко разлетелась слава Ак-Бозат по всей степи, и джигиты приезжали посмотреть на чудную лошадь. Эта слава не давала спать старому Цацгаю. Он только и думал об Ак-Бозат, как бы добыть ее от Бухарбая. Несколько раз скупой старик заводил такой разговор:

– Бухарбай, продай мне лошадь! Я тебе дам за нее двадцать лошадей – выбирай любых из всего табуна, да еще столько же баранов.

– Нет, – упрямо повторял Бухарбай.

– Дам тебе в придачу лучшую кибитку...

– Нет...

– Дам тебе серебряных денег, сколько можешь взять обеими руками.

– Нет...

– Дам тебе шелковый бешмет и два шелковых халата.

– Нет...

– Дам ружье, кинжал, саблю...

– Нет.

– Чего же тебе нужно?

– Мне ничего не нужно, Цацгай...

Впрочем, раз Бухарбай сам сказал:

– Давай все, что обещаешь, и Мэчит в придачу.

– Ого, ты не дурак... Только этого никогда не будет.

– Как знаешь. А мне и так хорошо...

Начал Цацгай сердиться на упрямого пастуха. Уж очень он зазнался со своею лошадыю... Мало ли в степи хороших скакунов? Но как Цацгай ни успокаивал себя, но чудная лошадь не выходила у него из головы. Что ему, в самом деле, теперь нужно: все у него есть. Даже новую жену не нужно... А если бы была у него Ак-Бозат, он стал бы ездить по степи и на каждой байге всех бы обгонял. Нет другой такой лошади... Старик даже похудел, потерял сон и так заскучал, что не знал, куда ему деваться. И собственное богатство сделалось не мило...

Кончилось тем, что Цацгай серьезно разнемогся. Лежит у себя в кибитке и стонет. Ни есть, ни пить не может. Наконец он сказал Мэчит:

– Иди и позови сюда этого упрямого осла... Я хочу с ним говорить.

Когда в кибитку вошел Бухарбай, старик сказал:

– Я захворал из-за твоего упрямства... Ты глуп, как четыре осла! Да... Если бы я был молод, я украл бы твою Ак-Бозат! А теперь... Слушай, упрямый человек, что я тебе скажу: бери, что хочешь, и... Мэчит в придачу.

Поклонился Бухарбай и отвечал:

– Ты много даешь, Цацгай, а хочешь взять у меня все... Ак-Бозат – благородной крови Исэк-Кырган. Когда я уходил из своего аула нищим, мать мне сказала, чтобы я не отдавал Ак-Бозат ни за что. Но я подумаю...

– Убирайся, худой человек, и думай! – стонал старик.

Когда Бухарбай выходил из кибитки, он встретил Мэчит; она стояла у входа, слышала весь разговор и теперь горько плакала.

– Ты меня не любишь, Бухарбай... – шептали девичьи губы, еще так недавно смеявшиеся над ним.

Не тронули Бухарбая просьбы и обещания старого Цацгая, а тронули девичьи слезы. Он вернулся в свою кибитку, как пьяный. Все у него кружилось в голове, и он не знал, что ему делать.

Лежит у себя в пастушьей дырявой и грязной кибитке Бухарбай, лежит и думает, а перед ним заплаканное девичье лицо, и девичий сладкий голос, и своя собственная жалость. Слышит он, как ходит недалеко от кибитки его сокровище Ак-Бозат, и опять не знает, что ему делать. Другие пастухи спят, а он мучается, как преступник. Молодое сердце так и бьет тревогу... Наконец оно взяло перевес, и Бухарбай решился уступить Ак-Бозат старому Цацгаю.

Но только он это подумал, как слышит, что Ак-Бозат заржала. Не успел он выскочить из кибитки, как послышался громкий топот. О, как знал Бухарбай этот топот... Вор подкрался ночью и теперь летел, как ветер. Бросился Бухарбай в табун, выбрал лучшую лошадь и полетел в погоню. Гонит он час, гонит другой, и опять он слышит знакомый топот. Дрогнуло сердце в груди Бухарбая, и

погнал он лошадь еще сильнее. Начинало светать, когда он завидел вдали Ак-Бозат: неужели это его Ак-Бозат, и неужели он ее догонит на простой табунной лошади? Еще никто не обгонял Ак-Бозат. Еще час гонится Бухарбай, – вор уже совсем близко. Облилось кровью сердце Бухарбая, когда он настигал его. Не утерпел джигит и крикнул:

– Эй, ты, шайтан, не умеешь ездить... Потрепли лошадь по шее!.. Вор так и сделал. Ак-Бозат полетела, как стрела. Скоро пропала совсем из виду. Бухарбай загнал насмерть свою лошадь, упал на землю и горько заплакал. Это аллах его наказал за то, что он хотел уступить благородную Ак-Бозат старому Цацгаю. Любовь его ослепила...

V.

В свой аул Бухарбай вернулся только через три дня. Его сначала даже не узнали, так он похудел, а глаза были совсем дикие.

– Если бы ты отдал мне Ак-Бозат, я сумел бы ее сберечь, – карал его старый Цацгай. – Ты упрямый осел, Бухарбай... Ты глуп, Бухарбай, как четыре барана.

– Меня наказал аллах... – ответил Бухарбай. – Отпусти меня, Цацгай.

– Куда же ты пойдешь, несчастный байгуш?

– Пойду искать Ак-Бозат... Я не могу без нее жить.

Не так думала Мэчит. Очень она полюбила джигита, а девичье сердце не ищет богатства. Она сама пришла к Бухарбаю и сказала:

– Бухарбай, куда ты – туда и я... Я тебя люблю.

Заплакал Бухарбай, а Мэчит положила его голову к себе на колени и утешала ласковыми девичьими словами. Тут она узнала, как Бухарбай сделался байгушом, и еще больше его жалела. Из-за нее аллах его наказал. Пошла смелая девушка к отцу и сказала, что ни за кого больше не пойдет замуж, как только за джигита Бухарбая; он не простой пастух, а настоящий джигит.

– Не надо мне богатства, – говорила смелая девушка. – Лучше я буду женой простого пастуха.

Рассердился Цацгай, прогнал от себя дочь; но она пришла в

другой раз и повторила то же самое. Разве чтонибудь поделаешь с упрямыми женскими словами? Еще сильнее рассердился Цацгай и сказал:

– Хорошо, упрямая коза... Бери своего Бухарбая, только я ничего не знаю. И тебя не знаю... А этот упрямый осел пусть не показывается мне на глаза, если хочет быть цел.

Много страшных слов наговорил старый Цацгай, как говорят и другие отцы, когда сердятся на непослушных дочерей, а потом смилостивилось отцовское сердце.

«Дам я кибитку Мэчит, – решил Цацгай. – Не жить же ей на самом деле вместе с пастухами... Упрямая девчонка не стоит этого, ну да уж так и быть...»

После кибитки дал Цацгай лошадей, потом баранов, потом уж надавал всего. Он дает, а Бухарбаю все равно. Ничего не нужно джигиту.

Сыграли свадьбу, а Бухарбай все тоскует. Ласки молодой красавицы жены не утешали горя. По ночам Бухарбай часто просыпался и вскакивал, как сумасшедший. Ему все слышался топот Ак-Бозат... Вот-вот она уже совсем близко. Это она летит по степи, как ветер... Выскакивал Бухарбай из кибитки, брал лучшую лошадь и летел в погоню, а потом возвращался домой грустный-грустный.

Не мило было Бухарбаю и богатство, не милы ласки красавицы жены, ее молодой смех и песни. А тут еще новая беда: в аул пришел слепой байгуш с бандурой и запел песню про Ак-Бозат. В степи уже складывали ей песни.

С ветром спорила Ак-Бозат, А крылья взяла у птицы...

Белая красавица, ты летала, Как стрела, оперенная лебединым крылом.

– Слышишь, Мэчит? – стонал Бухарбай. – Это про нее поют, значит, она жива... О, я несчастный!.. И я не умел сберечь это сокровище...

А слепой байгуш сидит и поет:

Нет цены хорошей лошади, Она все для джигита: И дом, и богатство, и честь.

Без лошади нет и джигита!

Пришел Бухарбай к старому Цацгаю и сказал:

- Я ухожу, старик...
- Куда?
- Не знаю. Не могу больше терпеть...
- А жена?
- Жена подождет... Ничего мне не нужно.

Отправился Бухарбай странствовать по степи, из аула в аул, от одного колодца к другому. Где завидит в табуне белую лошадь, так у него сердце и упадет. Подъедет, посмотрит, – нет, не Ак-Бозат. И опять дальше, точно кто его гонит.

Когда вечером Бухарбай ложился спать, ему каждый раз слышался топот Ак-Бозат. Да, он слышал, как она делала широкий круг, а близко не подходила. О, это была она, Ак-Бозат... Бухарбай весь трепетал и молился аллаху. С каждым днем Ак-Бозат делала круги все меньше и меньше. Бухарбай перестал есть и похудел, как скелет.

«Скоро уж...» – говорил он самому себе.

А в степи между тем разнеслась весть, что бродит сумасшедший джигит и все ищет какую-то белую лошадь. Матери начали пугать им своих детей, а большие побаивались ночной встречи. Его видали разом в нескольких местах.

Собрались степные джигиты вместе и пробовали ловить Бухарбая; но он каждый раз уходил от них.

Наконец совсем обессилел Бухарбай и целых три дня лежит у степного колодца. У него не было сил подняться на лошадь, а как наступала ночь, опять являлась Ак-Бозат и начинала делать свои круги. Теперь она была уже совсем близко, и Бухарбай только не мог открыть глаз, чтобы посмотреть на лошадь. Однажды, – это была четвертая ночь у колодца, – он лежал как мертвый. Вдруг топот уже совсем близко, тут... Бухарбай открывает глаза, а над ним стоит Ак-Бозат. Он хотел крикнуть, но только застонал...

Степные джигиты нашли Бухарбая мертвым у колодца. Он прижимал окоченевшими руками к груди свою белую войлочную шляпу.

Дмитрий МАМИН-СИБИРЯК.

[1] Бий – богач, господин.

[2] «Бедность – моя гордость». (Примеч. автора.).

[3] Ак-Бозат – звезда. (Примеч. автора.).

[4] Калым – выкуп.

[5] Байгуш – бедняк, нищий.

[6] Байга – скачки. (Примеч. автора.). Некауалар